

Анна Дашевская

ТРУП В ДОМЕ НАПРОТИВ

«Жизнь — это четки, составленные из мелких невзгод, и философ, смеясь, перебирает их. Будьте, подобно мне, философами, господа, садитесь за стол, и давайте выпьем: никогда будущее не представляется в столь розовом свете, как в те мгновения, когда смотришь на него сквозь бокал шамбертена»

**(Александр Дюма,
«Три мушкетера»)**

ГЛАВА 1

28 апреля 2185 года от О.Д.

«Д'Артаньян вздохнул при мысли о странностях судьбы, заставляющей людей уничтожать друг друга во имя интересов третьих лиц, им совершенно чуждых и нередко даже не имеющих понятия об их существовании»

**(Александр Дюма,
«Три мушкетера»)**

Аркадий Феофилактович, не отрываясь, глядел в выходящее на улицу окно кабинета.

Зрелище, открывавшееся ему, было и в самом деле занятным, хотя и не настолько, чтобы пялиться туда уже четвёртый час подряд.

Дом напротив сносили. Воздушные лезвия разрезали мёртвую плоть здания, словно ножи — гигантскую голову сыра. Два мага управляли лезвиями, ещё двое аккуратно переносили получившиеся фрагменты на грузовую платформу. Четыре верхних этажа уже были сняты, когда Аркадий Феофилактович вздрогнул и забегал по подоконнику, твердя:

— Ой, плохо дело, хозяин! Хозяин! Да оторвись же от машины своей проклятушей!

Алексей Верещагин поставил точку в отчёте

по законченному расследованию, который печатал на компьютере, и недовольно посмотрел на домового.

— Что ты шумишь?

Тот, не тратя лишних слов, ткнул пальцем в законный пейзаж. Алекс подошёл поближе и взглянул. Разрушение здания остановилось, трое магов-воздушников отошли в сторону, а четвёртый, по-видимому, главный среди них, ожесточённо тыкал пальцем в кнопки коммуникатора.

— Ну, и?...

— Мертвяка они нашли, — ответил домовый. — Первого.

— А что, там не один? — удивился Алекс, и мысленно сам себя обругал: домовый жил у него не так давно, и всех его способностей Верещагин не знал пока, но уже усвоил, что лучше в них, способностях, не сомневаться.

— Трое их там, — ответил Аркадий Феофилактович. — Один совсем свежий, второй с неделю пролежал, а третьему уже лет пятьсот, а то и поболее.

— Аркадий, — строго сдвинул брови человек. — Ты, по-моему, заговариваешься. Дом напротив построен был всего лет сто пятьдесят назад, и построен кое-как, иначе бы его никто сносить не стал!

— Хозяин, вот силой клянусь — не вру. Там

же подвалы какие, в третьем, самом нижнем, ярусе даже я не рискну появиться! И фундамент старый сохранился, ему сносу не будет, потому-то на нём и построили...

— И что, в подвале третий труп?

— Не, хозяин, он в стене подвальной вмурован, чтобы охранял постройку. Закладная жертва, слышал про такое?

— Слышал, конечно, — пожал плечами Алекс. — Хотя мне казалось, обычно закапывали голову петуха, собачью, ну, или бычью в крайнем случае. А тут — человек. Кстати, человек? или кто?

— Не знаю, — домовой пожал плечами, не отрывая взгляда от происходящего за окном. — О, стража приехала!

— Ладно, ты смотри, а я пойду, отчёт доделаю...

Закончив писанину, Алекс отправил сообщение электронной почтой клиенту, сладко потянулся и гаркнул:

— Аркадий, ты меня кормить будешь сегодня? Половина пятого, а я, кроме бутербродов на завтрак, даже чашки кофе не получил!

Молчание было ему ответом. Верещагин заинтересовался и даже слегка забеспокоился: с тех пор, как Аркадий Феофилактович появился в его доме, завтраки, обеды и ужины появлялись на столе

в положенное время. Это не говоря уже о лёгких перекусах...

— Аркадий! — позвал он снова.

Тишина.

Он прошел через библиотеку, заглянул в спальню, но искомого домового обрёл только в гостиной, всё так же прилипшего носом к окну. Алекс выглянул через его макушку: недоразобранный дом, усевшиеся в сторонке маги, пара экипажей, группа что-то активно обсуждающих стражников... В этот момент один из них недвусмысленным жестом показал на верещагинские окна.

— Сейчас они к нам нагрянут, хозяин, — сказал домовый. — Чай подавать, или уж сразу водки?

— А к нам-то с чего? Я точно ничего такого не видел, а про тебя, может, и не знают пока что?

— Чего ж это не знают? — слегка обиделся Аркадий Феофилактович. — Как ты меня к себе принял, я сразу у старшего прописался, как положено, и раз в неделю отмечаюсь.

— Э-э-э... Понятно... То есть, ни фиги не понятно, но не об этом речь. С какой стати стражникам к нам приходиться?

— Этого я не знаю, а только вон они, уже идут, — он кивнул в сторону окна.

Двое в форме, сопровождаемые человеком в

штатском, и в самом деле неторопливо направлялись ко входу в дом.

— Так они не к нам! — отметил Алекс. — Они к той двери идут, что с Селивёрстова переулка, а она ж только на первый этаж ведёт. Там и нету никого уже давно...

— Эх, хозяин... — печально произнёс домовый. — Ты с работой своей совсем о доме родном забудешь! На первом этаже уже три дня как поселились. Сейчас эти, из охранной палаты, с соседкой твоей поговорят, а потом и к нашему входу отправятся.

Тут надо, наверное, слегка пояснить, что представлял собою дом, в котором уже лет двести обитало семейство Верещагиных. Двухэтажный кирпичный особнячок стоял на углу переулков Селивёрстова и Костянского, и с давних времён был разделён на два апартамента; Верещагины, начиная с Алексеева прадеда, купившего когда-то дом у прежнего владельца, занимали второй этаж, а первый сдавали. Последний жилец выехал оттуда давно, лет десять назад, отправившись к детям в Нью-Зееланд. Другого Алекс не искал, сперва не до того было, потом стало некогда, а потом уже и привык как-то. Впрочем, управляющий, назначенный не так давно Драхтаугалергн-банком, очевидно, не только трубы чинил и дворников жучил, но и подыскал арендатора... «Надо будет с

ним встретиться и поблагодарить» — подумал рассеянно Алекс, и в следующую минуту вздрогнул от резкого стука дверного молоточка.

Мгновение назад сидевший на подоконнике доменной испарился, словно его тут никогда и не было, и Верещагин, криво усмехнувшись, спустился по лестнице к входной двери и распахнул её. На пороге — вот неожиданность! — стояли два сержанта городской стражи, и некто в штатском, тут же и представившийся:

— Инспектор Никонов, райотдел. Имею честь говорить с господином Верещагиным Алексеем Станиславовичем?

— Так точно, — хозяин дома посторонился. — Входите, господа, пойдёте в приёмную.

Приёмная, в сущности, была как бы вторым кабинетом. Или первым, это с какой стороны смотреть. Сразу после лестничной площадки дверь направо была украшена лаконичной надписью: «Частный детектив, приём по договорённости». Левая дверь вела в жилые комнаты, и пускать туда незваных гостей Верещагин не собирался.

Усевшись за стол, он жестом предложить стражникам занять кресла напротив и с любопытством уставился на инспектора. Тот не смутился и спросил:

— А что, вы дома один?

Алекс пожал плечами:

— Кроме меня здесь живут мои сыновья и их воспитатель. Сейчас все они уехали в Краков, племянница там учится.

— А вы что же?

— А я не смог. Дело заканчивал.

— Серьёзное?

— Это как посмотреть... — рассказывать подробности Верещагин не собирался.

— Значит, сыновья и их гувернёр, — после некоторого молчания повторил гость. — А жены у вас что же, нету?

— Нету.

— И куда ж она делась?

— Не вполне понимаю, чем вызваны эти вопросы? — начал сердиться частный сыщик. — Если вы пытаетесь меня в чём-то обвинить, так будьте любезны сделать всё по форме. А если я считаюсь свидетелем, так смените тон!

Никонов откашлялся и сказал с некоторым смущением:

— Ну, свидетель, конечно... Прошу прощения, очень меня там маги накрутили. Поскольку вы живете прямо напротив дома тринадцать, могли что-то видеть...

— Ладно, — Алекс примирительно поднял ладони. — Начинаем сначала. Спрашивайте. Какое время вас интересует?

— Да если б я знал! — с досадой ответил инспектор. — Найдены два тела...

— Только два? — глупо переспросил Верещагин, и тут же понял, что сказал лишнее.

— А что, — глаза инспектора превратились в нацеленные дула, — должно быть больше?

За спиной что-то лязгнуло, и Алекс понял, что оба сержанта не только непонятным образом переместились ему за спину, но и приготовили, так сказать, оборудование: один держал его на прицеле, второй покачивал орихалковыми наручниками.

— Так, инспектор, — частный детектив выложил ладони на стол и сказал максимально примирительно: — Сейчас разберёмся. Аркадий! Аркадий!!

— Ну здесь я, хозяин, чего кричать-то? — раздался голос с подоконника.

Инспектор подпрыгнул.

— Эт-то кто?

— Прошу любить и жаловать, мой домовый. Звать Аркадий Феофилактович, — усмехнулся Верещагин. Ситуация начинала его забавлять. — И, пожалуй что, вам следует начать с него, только не допрашивать, а попросить вежливо рассказать, что ему известно...

Отставив четвёртый стакан из-под чая, инспектор Никонов спросил:

— А скажи мне, Аркадий Феофилакторович, соплеменники твои только в частных домах водятся... э-э-э, прошу прощения, пребывают... трудятся, вот! Только в особняках, или, может, в квартирах, что в доходных домах строят, или, например, на государственной площади?

Домовой степенно отодвинул в сторону блюдечко, из которого пил чай, и столь же неторопливо ответил:

— Это, господин инспектор, зависит! — и воздел к потолку палец, слегка испачканный черничным вареньем.

Уехали два экипажа стражи, отбыли маги-медики. Инспектор проводил и тех, и других, после чего хмурый вернулся в дом Верещагина.

— Женщина, лет тридцати восьми — сорока, блондинка, довольно ухоженная, — сообщил он, сильно затягиваясь сигаретой. — Убита между полуночью и тремя часами ночи сегодня, ударом ножа. Тело было на втором этаже, в одной из комнат в правом коридоре.

— А второе? — спросил Алекс.

— Мужчина, ближе к пятидесяти, в вечернем костюме. В смокинге, представляешь? Нашли в одном из конференц-холлов на первом этаже, под кафедрой лектора. Тело пролежало четыре дня...

— Холодно было, потеплело-то только вчера.

Должно было хорошо сохраниться. А как его?...

— Тоже удар ножом, и такое впечатление — тем же самым. Ну, насколько можно было судить визуально. Документов ни у одного нет.

— Аура женщины могла сохраниться, иной раз до двадцати четырёх часов держится, — проговорил Верещагин, разыскивая что-то в ящике стола. — А, вот оно! Лови!

Через стол он кинул Никонову какой-то небольшой предмет. Тот поймал, повертел в руках: круглый экран, картонный белый диск за ним, несколько самописцев, необычной шарообразной формы антенна...

— Это что?

— Счетчик аурограммы, новейший и самый чувствительный. Подарок от коллег из галльской Службы магбезопасности, пользуйся!

— Вернись! — донеслось уже из-за двери, куда инспектор вылетел, на ходу надевая ветровку.

Аркадий Феофилактович и Верещагин переглянулись, и домовый протянул:

— Ты ж к мальчикам ехать собирался, хозяин? В Краков?

— Что-то кажется мне, Аркадий, что история эта нас коснётся самым непосредственным образом... — задумчиво проговорил детектив.

— Да? Ну, коли так, надо обед приготовить побольше да посытнее! — и домовый исчез, словно

и не сидел только что на подоконнике...

Вскоре по второму этажу поползли аппетитные запахи свежего хлеба, жареного лука, печеных яблок. Алекс повёл носом и почёл за благо прогуляться: как ни крути, время подкатывало к восьми вечера, а чай с вареньем за нормальную еду считать не приходится. Он спустился по лестнице, с усилием открыл тяжёлую входную дверь и вышел во двор. Уже смеркалось, гоблин-дворник из дома двенадцать по Костянскому переулку вышел, чтобы зажечь магические фонари. Верещагин усмехнулся: почему-то эта обязанность считалась среди местных дворников очень почётной, за неё интриговали и боролись. Аркадий Феофилактович, пока ещё считавшийся чужаком в Устретенской слободе, ни разу не удостоивался права подержать в руках артефакт — зажигательную палочку. Почесав в затылке, он решил, что беспокоить управляющего сейчас ни к чему, лучше зайти к нему завтра, в рабочее время, а вот познакомиться с новой соседкой вполне удобно. Поэтому он повернул за угол и, пройдя несколько шагов, оказался возле такой же точно двери, как вела в его собственные апартаменты. Только у входа с Костянского висела табличка, сообщавшая, что на втором этаже находится приёмная частного детектива, а здесь на почтовом ящике уместилась жёлтая бумажка,

приклеенная липкой лентой. Написаны на этой импровизированной табличке были только имя и фамилия: Софья Полянская.

Разглядев новый дверной молоток в форме изогнутого дельфина с бронзовым кольцом в пасти, Алекс хмыкнул и решительно постучал. Какое-то время за дверью было тихо, потом она распахнулась, и на пороге Верещагин увидел высокую тонкую фигуру, тёмный силуэт, освещённый сзади.

— Добрый вечер, — он вежливо склонил голову. — Мне хотелось бы увидеть госпожу Полянскую.

— Вообще-то мы только что въехали и ещё не работаем... — фигура шагнула назад, свет от лампы в коридоре упал на неё и осветил совсем юное лицо, голубые глаза и чуть пробивающиеся усы. — Но проходите, мама сейчас выйдет.

Сразу же справа от входа Алекс увидел распахнутую дверь в комнату, где женщина, стоя на двухступенчатой этажерке, расставляла книги на верхней полке шкафа.

— Добрый вечер! — снова сказал он.

— Добрый! — голос у неё оказался приятным, довольно низким, но каким-то усталым.

Впрочем, люди только что переехали, конечно, утомились...

— Собственно, я ваш сосед сверху и

некоторым образом домовладелец, Алексей Верещагин. Я зашёл познакомиться, но, вижу, попал не вовремя?

— Домовладелец, хм... — женщина легко спрыгнула на пол и оказалась такой же высокой, как её сын, и тоже голубоглазой. — Рада знакомству, меня зовут Софья. Это мой сын Максим.

— Очень приятно, — поклонился он сразу обоим. — Не буду вас больше отвлекать от дел, если что — мой вход за углом, с Костянского переулка. Ну, или вот...

Белая визитная карточка, номер коммуникатора, чёткие тёмно-синие буквы. «Частный детектив».

Однако! Софья закрыла дверь за неожиданным гостем, хмыкнула, и, пройдя через приёмную, открыла дверь в кабинет. Будущий. От настоящего кабинета здесь были только старинный письменный стол и спрятанный за картиной сейф, куда она и убрала визитку.

Никогда не знаешь, что тебе пригодится в жизни.

В дверь постучали ровно в тот момент, когда Аркадий Феофилактович потащил из духовки пирог с капустой, поэтому хозяину дома снова пришлось

самому спускаться и открывать дверь. На пороге стоял инспектор Никонов, и по его виду сразу стало понятно, что даже с самым навороченным прибором считать аурограмму не удалось.

— Проходи, — посторонился Алекс. — После обеда сразу почувствуешь, что жизнь налаживается.

— Не уверен, — мрачно ответил инспектор, поднимаясь по лестнице. — По дороге в морг меня отловил шеф и вставил таких пистонов, что я себя почувствовал игрушечным бластером.

— Чего он хотел? Неужели думал, что ты уже раскрыл дело?

— Если бы он так думал, я бы не руки перед обедом мыл, а вокруг места преступления круги нарезал, ища следы.

— Ну, а кто нам помешает сделать это после обеда? — резонно спросил Верещагин, укладывая на ломоть свежвыпеченного хлеба ещё один кусочек селёдки и надкусывая это сооружение.

— Темно. Да и не сумею я, у меня магического резерва едва на один фонарик хватает, — невнятно проговорил стражник сквозь громадный кусок тёплого капустного пирога.

— Ты бы поел сперва, а потом разговоры разговаривал, — посоветовал с подоконника домовой. — А то подавишься ещё, пришлют из твоей управы другого кого, а тот ещё хуже будет.

— Угум, — ответил инспектор, после чего и в

самом деле не произнёс более ни слова до тех пор, пока Аркадий Феофилактович подал каждому по громадной кружке свежезаваренного чая с румяным яблочным пирогом.

Оба детектива перешли в кабинет, Никонов сел в кресло и спросил, помолчав:

— Так ты хочешь пойти со мной вместе и ещё раз осмотреть места нахождения тел?

— Почему нет? Разумеется, я не могу полноценно участвовать в следствии, но могу, так сказать, консультировать. Уже приходилось...

— Ладно... — задумчиво проговорил инспектор. — Помощник мне нужен. Пойдём.

Не говоря ни слова, Алекс поднялся и стал доставать из стола и с полок разнообразные предметы, коротко поясняя:

— Поляризатор света, выявляет скрытые следы крови, затёртые надписи и многое другое; защитные очки к нему. Регистратор остатков магических полей. Анализатор запахов. Универсальный растворитель, перчатки, диктофон... Аркадий!

— Да, хозяин! — домовый так неожиданно возник на подоконнике, что инспектор даже вздрогнул.

— Пока я собираюсь, расскажи нам, что ты знаешь о доме номер тринадцать?

— Дык я ж тебе уже рассказал всё!

— Повтори.

— Повтори... — пробурчал Аркадий Феофилактович, устраиваясь на подоконнике поудобнее. Никонову даже показалось, что домовой, щёлкнув пальцами, сотворил себе подушечку под то место, на котором сидят. — Значит, подвалы там старые-престарые, лет триста назад заложены, а то и поболее. В самом старом, на первом ярусе, закладная жертва под дальним углом.

— Дальним — это юго-западным? — переспросил инспектор, помечая что-то в блокноте.

— Наверное. Ну вот, а сто двадцать два года назад тогдашний хозяин участка, купец Селивёрстов... его именем и переулочек назван, кстати! Вот он старый дом решил снести, и на его месте построил новый, шестиэтажный, и квартиры стал сдавать.

— Я так понимаю, тогда в этом доходном доме твои собратья были?

— А как же, хозяин, конечно были! Ну, не в каждой квартире, столько домовых и в целом мире не наберётся, чтобы в Москве в каждую квартиру приспособить. Их двое было, Игнатий Поликарпович и супруга его, Авдотья Варсонофьевна. За всем хозяйством они и смотрели.

— Скажи, Аркадий, а откуда ты это

знаешь? — встрял с вопросом Никонов. — Ты же вроде бы недавно тут живешь?

Верещагин и его домовый переглянулись. «Не зря ли ты ему помогать собрался, хозяин?» — читался в глазах Аркадия молчаливый вопрос. «Может, и зря, так ведь обратного хода нету...» — безмолвно отвечал Алекс.

— Видишь ли, господин сыщик, — осторожно проговорил домовый. — Мы летописей не ведём, паспортов не имеем и того... гражданства нет у нас. Просто я знаю, кто тут жил, и всё. Вот про экипаж твой ничего не могу сказать, кроме того, что колёса у него есть. И про новые здания, свежестроенные, тоже чаще всего ничего не увижу. А ежели дом старый, давнишний, я гляжу на него и вижу, только вот как — не знаю.

— Я понял, — инспектор захлопнул блокнот. — Прости, больше не буду задавать дурацкие вопросы, рассказывай дальше.

— Так почти всё и обсказал уже! Квартиры там были по старой моде, неудобные, жильцы и стали съезжать. Последним уехал двадцать лет назад гном один, ну, у него было там оборудовано на их, гномий, лад, всё ж не как у людей. Но его призвали в Подгорное царство, вот бросил всё и отбыл.

— А домовые?

— Ну, с ними всё честь по чести. Приехал

купец Селивёров...

— Неужели тот, который строил?

— Тю на тебя, господин сыщик! Опять перебил! Не тот, а внук его приехал, но сделал всё как положено: наговор прочитал, старый вымытый башмак поставил, пряник в него положил... В общем, перевёз Игнатия Поликарповича с супругой на новое место. А в доме номер тринадцать сделал офисный центр.

— Ну, понятно, домовые в офисном центре вроде как и без надобности, — кивнул Алекс, всё это время с большим интересом слушавший разговор.

Он смотрел на круг света от настольной лампы, освещавший блокнот и ручку на столе. Лица собеседников оставались в тени, и это отчего-то делало разговор между домовым и сыщиком городской стражи чуть менее абсурдным.

— Получается, Аркадий Феофилактович, в офисный центр ты не заглядывал, и что там происходило, не знаешь, так? — На вопрос инспектора домовой только кивнул. — А про третий труп... то есть, первый, выражаясь хронологически, ты знал?

— Нет, конечно. Ты пойми, господин сыщик, это ж закладная жертва! Эти останки никто не может увидеть, если жертва правильно принесена, до тех пор, пока осторожный круг не разомкнут. А

когда дом начали сносить, его и разомкнули, тут-то и видно стало...

— Ладно, это я понял. А тот, что неделю пролежал — тоже осторожным кругом закрыт был?

Аркадий Теофилактович насупился:

— Ну, видел я его, и что? Хозяину не до того было, он дело заканчивал... В городе, небось, не один и не два смертоубийства в день происходит, что ж, ему по всем случаям и кидаться?

Верещагин откашлялся:

— Глеб, мы вроде собирались осмотреть место преступления. Может, пойдём? Время уже позднее...

Инспектор поперхнулся на полуслове.

Всё, подготовленное Алексом, компактно уложилось в небольшой чемоданчик с длинной ручкой. Фонарик он сунул в левый карман лёгкой куртки, а в правый, поколебавшись, положил парализатор. Заметивший это Глеб Никонов ухмыльнулся, но промолчал.

Наполовину снесённый дом номер тринадцать был тёмн и молчалив. Ворота в ограде закрывала магическая печать городской стражи, которую инспектор дезактивировал, пропуская коллегу, а потом снова поставил на место. Опечатан был и вход в здание, уже лишенный двери, просто тёмный проём на фоне светлой стены.

— Думаешь, убийца может вернуться? — поинтересовался Алекс из-за спины возящегося с амулетом Никонова.

— Вряд ли. Должен понимать, что, ежели уж дом начали сносить, тела будут обнаружены сразу. Скорее всего, он рассчитывал, что здание ещё какое-то время простоит пустующим, отсюда же все давно выехали, только охранник оставался, — он распрямился и приглашающе повёл рукой. — Прошу вас, сударь, следуйте за мной.

Луч фонарика казался слишком ярким в темноте холла, и в то же время слишком слабым. Жёлтый круг выхватывал то чёрно-белые мраморные плиты пола, то сломанный стул у стены, то дверной проём, не давая взгляду на чём-то сосредоточиться. Видимо, почувствовал это и инспектор, потому что Алекс расслышал, как тот пробормотал:

— Дурацкая была идея, идти сюда ночью...

— Ерунда! — громко ответил Верещагин, и эхо раскатилось под высоким потолком. — Ну-ка, давай, гасим фонари и надеваем вот это... Амулеты ночного видения, очень удобно.

Он надел очки и протянул вторую пару Никонову. Через пару минут, когда глаза привыкли, инспектор сказал:

— Отличная штука, только зелёное всё.

— Зато видно! Откуда начнём?

Конференц-зал был небольшим: шесть рядов кресел, половина с выломанными сиденьями, возвышение в две ступеньки, лекторская кафедра на нём, доска на стене.

— Ага, вот под этой кафедрой тело и лежало? — поинтересовался Алекс. — Смотри, а записывающие кристаллы на доске ещё сохраняют последние капли заряда...

— Как ты это определил?

— Так видно же сквозь эти очки! После последней зарядки с течением времени меняется цвет и интенсивность свечения, — ответил он, вспоминая лекцию по курсу артефакторики. — Причём завязано всё на лунный цикл. До первого полнолуния амулеты сохраняют довольно яркое жёлтое свечение, потом оно переходит в оранжевое, красное, фиолетовое и сиреневое, потом гаснет. Видишь, если присмотреться, края доски светятся светло-сиреневым?

— Надо же, — хмыкнул, присмотревшись, Никонов. — А почему я этого не знаю?

— Так это в основном магбезопасности нужно, и окуляры такие — это их оборудование.

— А тебе, значит, закон не писан?

— Не-а! Вон смотри, над дверью справа и слева тоже светящиеся точки — это вели запись лекций, или что здесь проходило.

— А можно их снять и посмотреть записи?

— Попробовать можно, но вряд ли амулету хватало энергии, чтобы продолжать писать... Сиреневый — значит, с последней подзарядки прошло примерно пять месяцев.

Инспектор покивал и пошёл по комнате, внимательно осматриваясь. Подойдя к сцене, он остановился и сказал чуть дрогнувшим голосом:

— Алекс, а подойди-ка сюда! Загляни под кафедру...

— Вот тьма! — Верещагин явственно увидел там, в глубине, возле самой передней стенки деревянного сооружения, слабый жёлтый огонёк. — Там что-то свежее!

— Погоди-ка... — Глеб встал на колени и долго шарил в темноте, наконец, разогнулся. — Не пойму, пуговица? Ладно, на свету разглядим.

Он аккуратно опустил небольшой округлый предмет в бумажный пакетик для сбора улик, содрал с правой руки перчатку и предложил, стараясь не показать азарта:

— Пошли на второй этаж?

Комната в правом коридоре второго этажа, где нашли убитую блондинку, оказалась совершенно пустой, только на стене висела смутно различимая карта мира.

— Ничего не светится! — разочарованно

произнес инспектор.

— Где было тело?

— Вот тут, справа от двери, в углу.

Алекс тщательно осмотрел пол и стену справа от двери, слева, под обоими оконными проёмами. И с сожалением пожал плечами:

— Увы. И в самом деле ничего нет... Надо будет ещё входы осмотреть, здесь же не только парадная дверь?

— Ещё боковой подъезд, но оттуда лестница ведёт сразу на верхний этаж, так что нашим потерпевшим вроде как и нечего было там делать.

— А чёрный ход?

— Заперт.

— Замки делаются для честных людей... Надо будет при дневном свете ещё раз все осмотреть. Когда планируют возобновить снос?

Никонов пожал плечами:

— Когда мы дадим разрешение. Думаю, давить начнут уже завтра, но при необходимости пару дней я потяну.

— Ладно. Тогда пойдём, изучим нашу находку...

Софья вернулась в кабинет и остановилась посередине, осматриваясь.

Квадратная комната когда-то была, по-видимому, детской: обои с мишками и

кроликами выцвели, но сохранились. Два окна выходили на тихий Селивёрстов переулок, на их широкие мраморные подоконники так и хотелось положить подушки и усесться с книгой. С другой стороны, можно было бы поставить сюда ящики с землёй и устроить мини-огород. Аптекарский. Конечно, большую часть трав надо собирать в лесу или в поле, что-то по росе, а что-то в полдень, но уж чабрец, мяту или тот же алоэ вполне можно держать в горшке. И, кстати, за домом она видела небольшой кусочек земли метров пятнадцать квадратных, не больше, но можно попробовать договориться с владельцем, и на лето высадить травы там.

С некоторой ностальгической ноткой она вспомнила свой роскошный сад на берегу реки Великой, как раз там, где в неё впадает мелкая и узенькая Кяхва. Почти двадцать лет Софья холила и лелеяла тот сад: антоновки, коричные и апорт, сладкие жёлтые груши и чёрно-сизые сливы, персики и виноград в теплице, а какие розы! Ну и аптекарский огород, конечно. Он занимал чуть ли не пол-участка, и травы там росли необыкновенные...

Ладно, ничего, семена самых-самых важных и редких растений она привезла. Решила начинать сначала жизнь, можно и травы заново вырастить.

Семена приехали вместе с ними, вместе с